

УДК 94 (=512.124)(47)

КИРГИЗЫ И КИРГИЗСТАНЦЫ В УММЕ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.П. Ярков, А.Н. Старостин

Отдельные аспекты заявленной темы изучались В.В. Бартольд, Ч.Ч. Валихановым, Х.З. Зияевым, В.В. Радловым, Н.Ф. Катановым и др. При этом попыток ее рассмотрения в соотношении законов статичных (догматически обусловленных) и динамических (связанных с вопросами социальной трансформации) не предпринималось. Выявленные особенности позволяют выстроить дальнейшую практику взаимодействия верующих, Гражданского общества, государства.

Ключевые слова: киргизы; исламская умма; Азиатская часть России.

РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯСЫНЫН АЗИЯ БӨЛҮГҮНҮН ИСЛАМ КОМУНДАГЫ КЫРГЫЗДАР ЖАНА КЫРГЫЗСТАНДЫКТАР

А.П. Ярков, А.Н. Старостин

Бул теманын айрым аспектилері В.В. Бартольд, Ч.Ч. Валиханов, Х.З. Зияев, В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов ж.б. тарабынан изилдөөгө алынган. Ошол эле учурда аны тең салмактуулук (догматизм менен шартталган) жана динамикалык (социалдык трансформация маселелери менен байланышкан) мыйзамдарынын айкалышуусунда карап чыгуу аракети көрүлгөн эмес. Аныкталган өзгөчөлүктөр динге ишенгендердин, жарандык коомдун жана мамлекеттин өз ара аракеттенишүүсүн андан ары ишке ашырууга мүмкүндүк берет.

Түйүндүү сөздөр: кыргыздар; ислам коому; Россиянын Азия бөлүгү.

KYRGYZ AND KYRGYZ CITIZENS IN UMMAN OF THE ASIAN PART RUSSIAN FEDERATION

A.P. Yarkov, A.N. Starostin

Some aspects of the declared themes studied V.V. Bartold, Hh.Hh. Valihanov, H.Z. Zijaev, V.V. Radlov, N.F. Katanov and others. When this attempt her consideration in the ratio of steady-state laws (dogmatically due) and dynamic (related to social transformation). Identified features allow to build further practice of interaction of believers, civil society, the State.

Keywords: Kyrgyz; Islamic Ummah; the Asian part of Russia.

Вопросы существования чего/кого/-либо внутри уммы не могут рассматриваться изолированно, поскольку противоречит сути ислама (где пророк Мухаммед сказал: «О люди! Разве не один ваш Господь? Разве не один у вас отец? Разве есть у араба преимущество перед не арабом? Разве есть преимущество у не араба перед арабом? Или же у чернокожего перед белокожим, и наоборот? Только в богобоязненности и благочестии заключается превосходство!»)¹. Но небезынтересно проанализировать ситуации трансформации применительно к представителям одного из этносов, традиционно исповедующих ислам (некорректно именуемых

«этническими мусульманами»), в большинстве – недавним мигрантам.

Необходимо учитывать не только активно верующих, но и тех, кто воспитан на традициях исламской культуры. Более того, поликультурность Киргизской Республики и Российской Федерации позволяет говорить о многовариантности бытования конфессий в этих государствах, сложности взаимоотношений между религиозными, общественными и государственными институтами.

Киргизы считают прародиной Минусинскую котловину², а Энесай – священной «матерью»

¹ Цит. по: Социальная доктрина российских мусульман URL: <https://muslim.ru/articles/280/13635/> (дата обращения: 10.03.2019).

² Подтверждают это и данные генетических исследований, прежде всего, по распространению мужских (Y-хромосомных) и женских (митохондриальных) линий, а также аутосомных компонентов.

рекой». Там существовал Великий Кыргызский каганат, где исповедовались шаманизм, манихейство, несторианство. Поэтому путешественники-мусульмане не увидели примет своей религии на Саяно-Алтае. Так, Абу-Дулаф в X в. побывал в земле енисейских кыргызов и описал резиденцию Хырхызхакана и комплекс на Уйбате. До откочевания на Тянь-Шань кыргызские племена хотя и знали об исламе, но не исповедовали его. В написанном Махмудом Кашгари в 1074 г. «Диван Лугат ат-тюрк» («Словаре тюркских наречий») нашел отражение взгляд правящей мусульманской верхушки, в т. ч. на «иноверцев» Северной Азии, живущих за границами Караханидского каганата¹. Абу Сайид Абд ал-Хайа бен аз-Заххака бен Махмуд-Гардизи говорил (предполагается, он опирался на «Китаб Худуд ал-алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» и другие труды), что «из страны арабов Даши к кыргызам [енисейским] каждые три года приходил караван из 20 верблюдов, нагруженных вышитыми золотом шелковыми тканями» [1, с. 148–152]. Это наиболее раннее свидетельство о торговых контактах – первом уровне диалога культур, но не их «взаимополнения» средствами, приемами, формами. Да и при археологическом исследовании «кыргызских памятников» X–XII вв. на Саяно-Алтае захоронений по шариату не обнаружено [2].

Укоренившись в Средневековье на Тянь-Шане и в Фергане, киргизы принимали участие во многих политических, этнических, культурных процессах по всей Азии, что отражено в эпосе «Манас», где присутствует упоминание эштек. Заметим, что манасоведы отнесли его лишь к сибирским татарам, которое, якобы, «ныне забыто» [3, с. 510]. Между тем, термин (эштяк / остяк / эстяк / истэк / иштяк / уштяк) также распространялся на: живущих на Оби хантов – (ась-ях – «обские люди») [4, с. 143]; восточных башкир [5, с. 196]; барабинских татар (тугум иштэк)². В «Карагайской рукописи» (на сибирскотатарском языке арабскими графемами) уточняется, что не принявший в 1394/1395 гг. ислам «Народ Иштяк спрятался в лесах». Любопытно, что в киргизском эпосе упомянут дядя Манаса – Эштек и «булгарский хан Иштяк» [6, с. 9], отражая широкие этнокультурные контакты жителей Евразии. Не

¹ С 960 г. ислам стал там государственной религией.

² Сами же сибирские татары «уштяками» (остяками) называли хантов, манси, селькупов и кетов. Получается, что по обе стороны Уральских гор эштяками именовали тюрков и угров, позднее принявших ислам. Отсюда их трактовка как «нечистых», «неверных», отражая процесс рождения этноконфессиональной границы.

отказываем и версии, что киргизы были среди миссионеров – «бухарцев», «ташкентцев» и «кокандцев», принесших в Северную Азию ислам³.

Был в истории предков киргизов и сибирских татар период их объединения в рамках Государства кочевых узбеков. Дело в том, что в 1429/1430 гг. шибанидский хан Абу-л-Хайр выбрал в качестве «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи» Цынги-Туру (روثى كميچ), на месте которой в 1586 г. основана Тюмень [7].

Затем контакты киргизов с Северной Азией истончились. И лишь со второй половины XVIII в. в Омск и Тобольск стали прибывать посольства киргизских мананов с просьбой о принятии в российское подданство [8]. Не все из них следовали далее – в Петербург, но политические, торговые и экономические связи (хотя и «робкие») в Сибири завязали. Тому способствовала языковая близость киргизов и татар. К тому же они приверженцы одного – ханафитского мазхаба, а региональные особенности – взаимоузнаваемы. Так, схожи по типологии органично вписанные в ландшафт При Тяньшанья глинобитные мазары, а в Сибири астана – деревянные срубы без фундамента и перекрытий [9, с. 43–47].

С первой половины XIX в. мусульмане Северной и Центральной Азии стали жить в одном государстве – Российской империи. Не всегда ее властями понимались мировоззренческие особенности. Так, генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, столкнувшись с вопросом управления территориями со значительным мусульманским населением, изобрел «...новую религию, приспособленную к условиям их жизни и соответствующую русским государственным интересам». Определяя в проекте ее догматы, Гасфорд писал: «...нужно принять за их исходную точку ту религию, которая была старым заветом закона божия, а именно еврейскую, очистив ее от талмудических толкований и реформировав в духе христианства, то есть присоединив к заповедям и учениям Моисея многие догматы христианской религии». Николай I, более разносторонне образованный, начертал резолюцию: «Религии не сочиняются, как статьи закона» [10].

Иногда контакты выстраивались под давлением обстоятельств. Так, некоторые киргизы были осуждены за политические и уголовные преступления к ссылке и каторге в «места отдаленные» и «не

³ Есть предположение, что астана – рудименты среднеазиатского зодчества. Например, Цынгалинская астана (территория ХМАО - Югры) – многоступенчатый мыс и деревянные постройки в Ялуторовском районе Тюменской области напоминают сагана.

столь отдаленные» (это все Сибирь и Дальний Восток, включая Сахалин). М.А. Абдрахамову, С.У. Мазнаеву, А.А. Сатарову, М. Тадетбаеву, А.И. Тошматову и другим смертная казнь была заменена на каторгу за участие в Андижанском восстании. Можно утверждать, что также отправленный на каторгу акын Токтогул (Сатылганов) находился на пересылке в тобольском тюремном замке, сохранившемся донныне¹. В 1899 г. Д.И. Менделеев записал: «Меня повели в находящуюся с краю каторжную тюрьму, где заключены на разные сроки завзятые убийцы и преступники вроде Андижанских среднеазиатцев, учинивших фанатические убийства в военном лагере, около Андижан», к которым, несмотря на тяжесть совершенных преступлений «...приглашают муллу, чтобы религиозное настроение умиротворяло запертую жизнь и облегчало внутреннее самосознание» [11, с. 78].

Некоторые из отбывших каторгу остались на поселении, а после отбытия всего наказания возвращались на родину. Токтогулу удалось бежать на Тянь-Шань, но и Сибирь для него «обернулась обретениями»: стал понимать русский язык, а от сидельцев обучился татарским и русским мелодиям.

В Тобольской губернии по переписи 1897 г. проживал 7 481 носитель «киргизского языка», но лингвоопределение в тот период объединяло киргизов с казахами (большинство).

Часть причин разразившегося в 1916 г. в Средней Азии и Казахстане восстания – ограничения в правах, неразумная фискальная, аграрная и социальная политика центральной и региональных властей, злоупотребления элит [12, с. 87]. Были и призывы исламистов, но не поддержанные сибирскими мусульманами.

После подавления вооруженных выступлений мобилизованных киргизов использовали на предприятиях Иркутска, Томска, Бийска. Непривычный климат и лишения сказались на здоровье живых, увели в могилу слабых. Секретарь Сибирского заводского совещания И.И. Серебрянников 17.01.1917 г. указал: «С реквизированными инородцами по всей Сибири кутерьма: они бегут и бегут с предприятий» [13, с. 21].

Революция в Сибири и на Дальнем Востоке проходила в русле общероссийских тенденций, разделив часть мусульман по политическим лагерям. Находившиеся на работах мобилизованные киргизы в 1917–1918 гг. вернулись домой, а иные даже успели здесь пристраститься к разным идеям

и поучаствовать в Гражданской войне, «перекаты-вавшейся волнами» по территории.

Позднее киргизы оказались в Сибири как раскулаченные и репрессированные, оседая на постоянное жительство, создавая семьи с представителями разных этносов и мировоззрений. А если кому и удавалось соблюсти требования веры, то лишь нелегально и на уровне семьи, поскольку борьба с религиозными убеждениями становилась важнейшей задачей государственной власти и идеологических органов [14].

Мигранты расселились по всему Азиатскому пространству РСФСР, где оформилось шесть зон концентрации (с численностью до 200–300 тыс. чел.): вокруг Тобольска и Тюмени; в Алтайском горнопромышленном узле; от Ачинска вдоль Московского тракта и Транссибирской магистрали; около Иркутска; в бассейне реки Селенги и восточнее Забайкальска [15, с. 47]. Как и большинство населения этих зон (за исключением Кузбасса) киргизы были заняты в аграрном секторе, отражая и характер общественных отношений. Многие искавшие личного спасения от экономических невзгод и политического давления были набожны, но ограничены в тех свободах, что отражены в Конституции СССР. Жесткий административный контроль, меры психологического давления на служителей культа и верующих привели к привычке скрывать убеждения.

Нестабильность общества в период Великой Отечественной войны была связана и с массовыми перемещениями, в результате которых оказались в Сибири и на Дальнем Востоке призванные в Трудовую (Трудовые колонны) Армию киргизы. Вместе с направленными из Казахской, Таджикской и Узбекской ССР они работали на Строительстве № 500 (трасса Комсомольск – Советская Гавань). Там задействовано в 1943 г. было 65 тыс. чел., а на конец 1944 г. – 80 тыс. Верующие из их числа были ограничены в исполнении требований религии, в т. ч. и в погребении по шариату. Но и там оказались востребованы вера и надежда, а маркерами их выделения на фоне остальных сибиряков стали нескрываемые элементы мусульманской одежды, а скрываемыми – «соборания по пятницам».

Некоторые киргизы участвовали в боях с Японской Армией в августе-сентябре 1945 г., а после войны вместе с трудмобилизованными вернулись на родину.

Динамика миграционных процессов послевоенных десятилетий определялась народнохозяйственным планированием и перераспределением избыточных трудовых резервов, восполнением/замещением кадров в отдельных отраслях

¹ С учетом того, что здание замка в Тобольске музеефицировано, там вполне можно разместить мемориальную доску и экспозицию об акыне.

и «изгибами судьбы»¹. Этнический фактор при этом оказался малосущественным, а конфессиональная принадлежность не учитывалась. Оставалась вера личным делом и в последующие годы, но внешний уровень религиозной идентификации зависел от иных факторов. Хотя, заметим: население и без служителей культа и вне мечетей удовлетворяло духовные потребности, придерживаясь обрядности в связи с рождением детей, свадьбами, похоронами, поддерживая традиции адатного ислама, а кладбища (хотя богослужения под открытым небом законодательно запрещали) оставались сакральными центрами, где не надо скрывать принадлежность.

Самоидентификация мусульман в Киргизской ССР и в Азиатской части РСФСР определялась: политическими событиями и личным «ответом» (рефлексией) на них; состоянием и устремлениям общества («закрытом» – традиционным или «открытым»); этнокультурным окружением; местом проявления идентичности (место работы или учебы); межэтническими браками и межпоколенным разрывом; уровнем толерантности в социуме и в СМИ. К тому же на рубеже 1980–1990-х гг. наступил период открытой легализации (реставрации) этнических и религиозных ценностей, которые иногда воспринимались синонимично. Религия возвратилась в жизнь общества, а существенным фактором стала трансформация религиозной идентичности из «празднично-обрядовой» в «морально ценностную» – на уровне индивида и групп (еще не имевших возможности собраться в мечетях).

Изменение структуры сибирско-дальневосточной уммы связано с активизацией миграционных процессов, когда освоение природных ископаемых, создание новых промышленных и аграрных комплексов перераспределяло трудовые ресурсы

¹ Характерна судьба сибирского татарина Р.А. Вафеева, который с 8 лет воспитывался в детском доме г. Тобольска. После армии учился в Киргизском госуниверситете, преподавал киргизский язык в вузах столицы. В 1987–1989 гг. – советник по национальным вопросам группы при Президенте Афганистана; в 1989–1992 гг. – преподаватель русского языка во Вьетнаме; в 1992–1993 гг. – в Китае; с 1993 г. – профессор Тобольского пединститута и Югорского госуниверситета. Владеет также дари, пушту, английским, немецким, вьетнамским, казахским, башкирским, узбекским, турецким, карачаевским, балкарским, ногайским и др. языками. Имеет государственные награды СССР, РФ и зарубежных государств; звания – Почетный работник высшей школы РФ и Заслуженный работник высшей школы РФ.

через плановую или инициативную миграцию, изменив соотношения горожан и сельчан, активизировав интеграционные и ассимиляционные процессы, нередко приводя к утрате самобытности.

Стремление к обретению духовной и социальной стабильности привело атеистов к религии предков (в т. ч. ислам), либо в новые конфессии. С другой стороны, число зарегистрированных госорганами общин верующих стремительно росло. Часть из них появилась в ходе миграции (вынужденной, внешней, внешней трудовой, незаконной и внутренней) людей, воспитанных на «мусульманских» территориях. В результате начали формироваться крупные группы мигрантов, меняя культурный ландшафт и самооценку. Многие молодые киргизы уже не были «частью большого Советского Союза», а стали элементами диаспоры за пределами Киргизской Республики. Иные мигранты попали в пространство, отличительное от мест исхода (где порой доминировали архаичные, а не либеральные ценности), рождая внутренний конфликт идентичностей².

В Сибири и на Дальнем Востоке есть мощный внешний фактор изменения состава уммы – миграция, приведшая сюда большое число киргизов. Достаточно сказать, что если в 1989 г. в Тюменской области насчитывалось 1 467 киргизов, то в 2002 г. – 3 075. Среди мусульман Красноярского края с 1989 г. до 2004 г. в два раза увеличилась численность киргизов [16]. С учетом сезонной трудовой миграции эти показатели, очевидно, значительно выше.

Бытовые конфликты не приобрели стойкой тенденции перерастания в общественные беспорядки, но также реально формирование среди части приезжих и коренных жителей вызывающе протестного поведения, увеличение числа преступлений. Влияли и внешние факторы (иногда уходящие вглубь веков и другие географические пространства): после погромов летом 2010 г. в Кыргызстане, в России зафиксировано несколько нападений узбеков на киргизов, и наоборот. Это получает широкий общественный резонанс и становится темой для обсуждения в мечетях, диаспорах и других стратах Гражданского общества азиатских субъектов РФ.

В связи с ускорением развития российской экономики и вхождением Киргизской Республики в ЕАЭС в Сибири и на Дальнем Востоке количество трудовых мигрантов-киргизов еще больше увеличилось. Часть их обрела российское гражданство [17]. В разнообразившейся умме обострились

² Примерно в такой же ситуации оказались недавно поселившиеся в Нарынской области киргизы из Афганистана.

проблемы соотношения традиций¹ и реалий современного общества. Выдвинутый киргизским историком Д. Джунушалиевым тезис о «горном исламе», как и активно обсуждаемые особенности «сибирского варианта ислама» [18, с. 315] столкнулись с резким неприятием исламистами, отторгающими и традиции предков – почитание мазаров (в Притяньшанье) или астана (в Прииртышье).

Во время «второй баткенской компании» одному из авторов привелось оказаться на линии боев. Там был задержан Абдуллин – боевик, до того учившийся в Ембаевском медресе² вблизи Тюмени. Даже осужденный к смертной казни на вопрос: «Готов ли он вновь воевать с «неверными»?», Абдуллин ответил: «Да»...

«Кафирами» радикалы именовали тех, кто не разделял их убеждений³. Но в местных общинах не хватало богословов, способных догматически противостоять исламистам, а вышедшие «из подполья» муллы либо изучали ислам самостоятельно, либо – в глубоком детстве – из уст стариков или «неофициальных» мулл. Людей, получивших образование в отечественных медресе – единицы. Пополнение знаний часто проходило без критичного отношения к присланной литературе, зарубежным миссионерам. Иные не принимали во внимание даже разделение мировой уммы на мазхабы. К тому же возник конфликт с теми, кто (часто при поддержке иностранных фондов) получил знания в странах Ближнего и Среднего Востока. Они нередко склонны к крайней радикализации.

В диаспоре скрываются лица, ответственные за преступления, в т. ч. и террористического характера, на родине. Такие люди ведут разрушительную деятельность, оказавшись в России. Так, уроженцы Киргизии С. Турганбаев и М. Абытов специально приехали из Красноярска в Хакасию для проповеди идей радикального ислама. Их арестовали и в 2011 г. осудили по «антитеррористической» 282-й статье УК РФ. Оба раскаялись в суде, да только сомнительна цена их покаянию... 18.04.2018 г. Приволжский окружной военный суд в Самаре вынес приговор семерым уроженцам г. Узгена, которые планировали теракты в Екатеринбурге. В частности, суд установил, что несостоявшиеся террористы готовили теракты в торговом центре

и метро Екатеринбурга. Они были обвинены по статьям 205 (Организация террористического акта), 222 (Незаконное хранение оружия и боеприпасов), 222-1 (Незаконное хранение взрывчатых веществ) Уголовного кодекса России и получили длительные тюремные сроки. По информации федеральных и городских СМИ, преступники признаны виновными в приготовлении к теракту (в их квартире были обнаружены взрывчатые вещества), незаконном обороте взрывчатки и хранении оружия. Все участники банды получили разные, но одинаково большие сроки – от 12 до 16 лет строго режима.

Возросла опасность вовлечения в конфликты через интернет-пространство. Иногда их путь пролегал через азиатскую часть РФ, откуда они, не получив быстрого бизнес-эффекта и зараженные исламистской риторикой, уезжали в «горячие точки» или уходили в нелегальные структуры. Замечено к тому же, что «программируемые» новыми мигрантами (не посвященными в традиции местного варианта ислама), даже иные служители культа выносили неверные суждения [19, с. 89].

Перепись 2010 г. зафиксировала в Тюменской области (включая ХМАО – Югру и ЯНАО) 8 652 киргиза, в ДвФО – 9 562, в СибФО – 30 871⁴. *Не все из них религиозны*, но фактор увеличения численности необходимо учитывать. Поэтому киргизские духовные лица не оставляют без своего внимания земляков, уехавших в Россию. Так, например, Верховный муфтий Кыргызстана Чубак ажы Жалилов 23.02.2012 г. посетил г. Чита, где провел встречу в местной мечети с трудовыми мигрантами из Кыргызстана, в феврале 2017 г. с участием представительной делегации из ДУМ Киргизской Республики была заложена мечеть на севере Тюменской области, а 16.02.2018 г. председатель Духовного управления мусульман Кыргызстана Максатбек ажы Токтомушев посетил Свердловскую область, где встретился с земляками, живущими и работающими в России.

Долгое время в руководстве общин доминировали татары и башкиры, но к рубежу XXI в. среди них появились и уроженцы Киргизии. Муфтий Томской области (там проживало 424 киргиза [20]) Н.Т. Калыкаханов⁵ немало сделал для возрождения

¹ Понятия традиционный ислам и ваххабизм вошли в оборот у верующих, хотя не всегда его верно классифицируя, тем самым еще более (нежели в административном плане) раскалывая умму.

² В конце XIX в. бывшем самым известным учебным заведением джадидов в Сибири.

³ А такими оказалось большинство мусульман Киргизстана и России.

⁴ Во многих субъектах УрФО, СибФО и ДвФО зарегистрированы Национально-культурные автономии, объединяющие не только киргизов, но и бывших жителей Киргизии разного этноконфессионального происхождения.

⁵ Калыкаханов (Турсунов) Нурилла Турсунбаевич родился 26.05.1977 г. в а. Айгыржыл Узгенского района Ошской области. Религиозное образование получил в Исламском институте им. Хазрета

жизни в памятнике архитектуры – Белой мечети Томска [21, с. 80]. Авторитетен заместитель муфтия ЯНАО Т. Худайбергенов. Д.Д. Хушваков в 2010 г. избран председателем МРО «Махалля г. Абакан» [22].

Основополагающий признак современного культурного пространства – диалог (через людей) светского государства и религиозных объединений. А его отсутствие – одна из причин затяжного кризиса в умме и умах.

Когда-то на сцене Киргизско-Российского Славянского университета блистал дуэт студентов – балаечника и комузиста. Затем того русского парня один из авторов увидел в Сургуте, вдохновенно исполнившего на балалайке «Марш ботой» Атая Огонбаева.

Оставаясь разными, не отказываясь от этнической или конфессиональной принадлежности, важно поддерживать диалог – один из путей гармонизации человеческих отношений.

Литература

1. Ярков А.П. Об арабо-, тюрко-, фарсыязычных источниках по распространению ислама и о династиях правителей Западной Сибири / А.П. Ярков // Сулеймановские чтения – 2006: мат. IX Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2006.
2. Дашковский П.К. Кыргыз на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии / П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2015.
3. Манас. Киргизский исторический эпос. Кн. 3. М.: Наука, 1990. 512 с.
4. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Западной Сибири / А.В. Головнев. Новосибирск: Наука, 1993.
5. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история рассеяния / Р.Г. Кузеев. Уфа. 2010.
6. Ярков А.П. Татары и башкиры в Кыргызстане: историко-культурный портрет. Ч. 1. / А.П. Ярков. Бишкек: Изд-во КРСУ, 1996.
7. Белич И.В. О Тюмени до 1586 г. / И.В. Белич, Я.П. Ярков // Тюмень. Между прошлым и будущим: фотоальбом. Т. 1. Тюмень, 2006.
8. История Киргизской ССР: [в 3 т.]. Т. 1. Фрунзе: Киргизстан, 1984.
9. Ярков А.П. Исламская архитектурно-пространственная среда Сибири и Дальнего Востока: от архаики до авангарда / А.П. Ярков, Ю.А. Бортникова // География искусства: ин-сайд-аут: сб. ст. М., 2018.
10. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 3 / под ред. А.П. Яркова. М., 2015.
11. Науменко О.Н. Тобольский тюремный замок / О.Н. Науменко. Тюмень, 2008.
12. Сактаганова З.Г. К вопросу о причинах национально-освободительного движения казахов 1916 года / З.Г. Сактаганова // Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Козыбаевские чтения – 2016»: современные тенденции культурно-цивилизационных процессов Евразии, посв. 85-летию М.К. Козыбаева. Ч. 1. Петропавловск, 2016. С. 87–92.
13. Шиловский М.В. Реквизиция «инородцев» Сибири на тыловые работы в 1916 году / М.В. Шиловский // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. ст. по мат. Междунар. науч. конф. Пермь, 2014. С. 19–22.
14. Ярков А.П. Очерк истории религий в Кыргызстане / А.П. Ярков. Бишкек, 2002.
15. Зуляр Ю.А. Этапы социально-экономического освоения Сибири в республиканский период (1917–2017) / Ю.А. Зуляр // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2017.
16. Старостин А.Н. Умма Красноярского края в прошлом и настоящем // Вестник Томского государственного университета / А.Н. Старостин, А.П. Ярков. 2017. № 422.
17. Старостин А.Н. Россия: Киргизам не холодно и за полярным кругом / А.Н. Старостин. URL: <http://www.fergananews.com/articles/7655>
18. Ярков А.П. О некоторых подходах при изучении феномена сибирского ислама / А.П. Ярков // Многофункциональность в науке: мат. Междун. науч. конф. Екатеринбург, 2011. С. 313–317.
19. Ярков А.П. Миграция и религиозный экстремизм: «сообщающиеся сосуды» или... / А.П. Ярков // Современные проблемы адаптации мигрантов в общества-реципиенты (Россия, Западная Сибирь, Югра): мат. Всерос. науч.-практ. конф. Сургут, 2007. С. 86–93.
20. Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам РФ. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php
21. Калыкахонов Н. Второе рождение мечети / Н. Калыкахонов // Белая Соборная мечеть. Томск, 2014. С. 73–85.
22. Хушваков Дилмурад Дехканбаевич. URL: <http://www.dumrf.ru/regions/19/biographies/2409>

Умара (Бишкек). В 1995–1996 гг. – заместитель имама в Новосибирске и Иркутске. С 1996 г. – имам-хатыб Белой мечети Томска. В 2009 г. указом главы ДУМ Сибири назначен муфтием Томской области. Является членом Общественного совета при УМВД РФ по Томской области, членом Общественной палаты области, имеет награды губернатора и областной Думы. Трижды совершил хадж.